

Александр АНДРЕЕВ

СТРОГАНОВЫ

Князья и государи

Александр Андреев

Строгановы

«Автор»

Андреев А. Р.

Строгановы / А. Р. Андреев — «Автор», — (Князья и государи)

«Строгановы» А.Р. Андреева – это энциклопедическое издание, призванное познакомить читателей со славным родом бояр Строгановых, принимавших участие во многих событиях русской истории XVI–XIX веков. В издание включены различные царские грамоты, данные Строгановым еще самим Иваном Васильевичем Грозным, Строгановская летопись, составленная в первой половине семнадцатого века и повествующая об участии Строгановых в покорении Сибири. Библиография книги содержит все основные работы, имеющие отношение к Строгановым и опубликованные на русском языке.

© Андреев А. Р.

© Автор

Содержание

Часть I. Промышленники и купцы. Сольвычегодск. Пермь Великая. Новая Земля. XV–XVI века	5
Часть II. Государственные деятели. Иван IV. Ермак. Завоевание Сибири. 1579–1584 годы	14
Часть III. Именитые люди, бароны и графы. XVII–XIX века	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Радьевич Андреев

Строгановы

Часть I. Промышленники и купцы. Сольвычегодск. Пермь Великая. Новая Земля. XV–XVI века

Документальных сведений о происхождении первых Строгановых – Спиридоне, Кузьме, Луке и Федоре, упоминавшимися соответственно под 1395, 1381, 1424, 1461 – почти не сохранилось. Новгородское и московское происхождение Строгановской фамилии не имеет достаточных доказательств [Прим. 1]. Вероятнее всего, Строгановы происходили из крестьян, с древних времен живших на северных русских землях [Прим. 2] – землях Великого Устюга [Прим. 3], с XIII века практически входивших в состав Суздальского, а с XIV века – Великого княжества Московского [Прим. 4], сделавшего Великий Устюг форпостом в борьбе с Новгородом [Прим. 5]. В состав устюжских земель входил и весь Сольвычегодский уезд – будущая родовая резиденция и центр управления строгановских вотчин.

Северные области России в XV веке носили название «Поморья», так как примыкали к Белому морю и к Северному Ледовитому Океану, соединенными с русскими территориями реками Онегой, Северной Двиной и Печерой. Территория Поморья состояла из земель Вятки, Великой Перми, двинских, карельских, онежских, каргопольских, важских, устюжских, вычегодских и печорских земель. Центральный район Поморья составляли земли по рекам Сухоне и Северной Двине, реке Ваге и низовья Вычегды – Двинский край. Западнее центрального Поморья располагалось Заонежье – территории по реке Онеге и по западным берегам Белого моря. К востоку от Двины находился обширный Печерский край и Пермская земля. Морская торговля с Западной Европой и морские промыслы определяли торговую и ремесленную деятельность населения Поморских городов. Основным занятием населения были рыболовство, охота и солеварение.

Впервые исторические источники свидетельствуют о жизни и деятельности Строгановых с 1515 года, со времени, когда праправнук Спиридона и один из младших сыновей Федора Лукича семнадцатилетний Аника продолжил в Сольвычегодске [Прим. 6] начатые в 1472 году его дедом Лукой «торговые и промысловые предприятия», а главное основал производство соли, поощряемое Московским правительством (первые купчие Аники Строганова на соляные варницы датированы 1526 годом), а через некоторое время и торговлю мехами – «пушным товаром» – с жителями Урала [Прим. 7], а позднее и сибирскими «инородцами».

К середине XVI века Аника Федорович контролировал большую часть сольвычегодских соляных промыслов, скупив большое количество варниц конкурентов, а также организовал добычу пушнины, желозодутное и кузнечное производство (получив 12 апреля 1556 года разрешение Ивана Грозного «искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и в других местах»), поставки своего и купленного хлеба в Астрахань, оптовую и розничную торговую сеть и ярмарочную торговлю в Поморье и Москве. Склады и дворы Аники были в Москве, Коломне, Калуге (через которую шла строгановская торговля с Литвой), Рязани, Переяславле-Залесском, Великом Устюге, Коле. К тому времени отцу помогали дети Яков, Григорий и Семен. К 1577 году им принадлежало уже 10 соляных варниц «на полном ходу» и почти все земли вокруг Сольвычегодска. В составленной в 1627 году по «государевому указу» в Разрядном приказе практическом руководстве для «государевой службы посылок» описании всех русских земель по главным рекам – Книге Большого чертежу – так написано об этом районе:

«А от верху реки Велва, из озера, потекла река Вычегда, протоку Вычегда 415 верст, до усть реки Сысолы; а Сысола река с левые стороны пала в реку Вычегду.

А от усть реки Сысолы до усть реки Вычегды 220 верст; Вычегда пала в Двину ниже Тулупьева острова. А по реке по Вычегде сверху с правая стороны город Старая Пермь, от усть Вычегды 140 верст.

А ниже Перми 70 верст, на Вычегде, город Еренеск. А ниже Еренска 60 верст город Соль Вычегодская, а от усть реки Вычегда Соль Вычегодская верст с 15.

А до верху Двины реки от усть реки Вычегды 50 верст, ниже города Устюга Великого река Сухона до реки Юг сошлись вместе и те обе реки с тех мест и до моря потекла Двина река.

А от Устюга Великого до Колмогор рекою Двиною 400 верст.

А от Колмогор до города Архангельска 60 верст, а от города Архангельска до моря до усть реки Двины 50 верст» (46).

Аника постоянно оказывал содействие московским властям, выполняя многочисленные царские поручения по покупке различных товаров для московского двора и получая за это благодарственные грамоты от Ивана Грозного, ставшего в 1547 году «царем и великим князем всея Руси» (царские грамоты 1552, 1555, 1560, 1574 годов. – А.А.) [Прим. 8]. Царь считался со Строгановыми – в 1566 году Сольвычегодск и все остальные земли Строгановых (по их просьбе) были присоединены к опричнине, а в 1570 году Строгановы получили правительственное поручение следить за работой английских предпринимателей, по привилегии 1569 года имевших право искать в Поморье руду и производить железо на собственных заводах (англичане не имели права розничной торговли. – А.А.) – царская грамота от 8 августа 1570 года сделала Строгановых государственными контролерами [Прим. 9]. «Благоволение Ивана Грозного к Строгановым объясняется не только уменьем последних лучше других купцов давать нужные двору товары, но и услугами политического характера. Известно, например, что Строгановы в трудный для Грозного момент набега крымских татар на Москву послали к границе, к Серпухову, на государеву службу свой отряд в тысячу казаков с пищальми и всем необходимым припасом за свой счет» (знаменитая Молодинская битва 1572 года. – А.А.) (7).

После разгрома Казанского и Астраханского ханства в 1552 и 1556 годах [Прим. 10] появилась возможность населению Московского царства через Поволжье начать освоение Урала и Сибири, значительно расширить торговые связи со странами Азии и Кавказа. Во второй половине XVI века на новых землях были построены новые города – Самара, Саратов, Царицынка, Уфа, Чебоксары, Цивильск, Козьмодемьянск, Кокшайск, Сунгурск, Лаишев, Тетюшев, а немного позднее – Симбирск, Сызрань, Пенза, Тамбов.

В 1558 году Строгановы, получив царскую жалованную грамоту на земли по реке Каме, двинулись на уральские земли и начали освоение верхнего Прикамья – земель Великой Перми, еще в начале XVI века представлявшей собой особое удельное княжество со столицей, бывшей резиденцией великопермских князей городом Чердынью на Каме, ликвидированное в 1505 году [Прим. 11]. Строгановы начали со знакомого дела – новые пермские соляные варницы стали давать вдвое-втрое больше соли в сутки, чем истощенные сольвычегодские.

Исследователь истории Урала А.А. Савич писал: «Росту русской колонизации Урала в значительной степени мешало существование Казанского царства. В 1552 году это препятствие было устранено. Для русских колонистов стал открытым Камский путь в Сибирь (через Каму-Чусовую), значительно сокращавший прежний неудобный, которым некогда продвигались московские воеводы в Югру. Русский капитал стремительно продвигался к центру Урала, а затем и в Сибирь. Инициатива в этом отношении принадлежала частному капиталу. Традиционное представление о русской колонизации Урала связывает этот процесс с именем Строгановых.

В 1558 году 4 апреля Григорий Аникиев Строганов получил от Ивана Грозного жалованную грамоту на земли по обеим сторонам реки Камы, от устья речки Лысьвы и вниз до реки Чусовой. Строгановы довольно быстро колонизировали отведенный им грамотой 1558 года район Камы и Чусовой. К 1579 году у них был уже здесь 1 городок, 39 деревень и починок и 203 двора; в начале XVII века во владениях Строгановых было уже 4 слободы, 51 деревня и починок, 291 двор и 343 человека мужского пола.

В 1558 году вниз по Каме (15 верст от Соликамска к югу) был построен городок Канкор, несколько спустя Яйвенский городок, защищавший со стороны Яйвы (притока Камы. – А.А.) подступы к Соликамску, позднее ставшему второй после Сольвычегодска резиденцией Строгановых. Чусовской путь на Сибирь охранял выстроенный в 1568 году Нижне-Чусовской городок, Сылвенский городок преграждал другой сибирский путь по Сылве» (76).

Местные жители – остяки (ханты) и вогуличи (манси) [Прим. 12] часто совершали набеги на строгановские вотчины – новые земли требовалось защищать. Исследователь Сибири С.В. Бахрушин писал:

«Строгановы своих людей посылали «соболей и куниц и бобров и всякого зверя ловити». Меха приобретались и путем мены от инородцев, которые съезжались для торга в Строгановские городки даже из-за Урала. Строгановым приходилось каждый шаг свой на восток закреплять постройкой укрепленных острожков, снабжать их артиллерией и содержать в них на свой счет гарнизоны.

Построенный в 1558 году в 15 верстах к югу от Соли Камской городок Канкор защищал восточную границу Московского государства от набегов со стороны сибирских татар. С постройкой в 1564 году нового городка Кергедана или Орла, верстах в 15 выше его, Канкор утратил свое первоначальное стратегическое значение и был вскоре пожертвован Строгановыми основанному ими (в 1560 году. – А.А.) Пыскорскому монастырю [Прим. 13].

Со стороны Яйвы (притока Камы. – А.А.) подступы к Соли Камской защищал Яйвенский городок. Выстроенный в 1568 году Нижне-Чусовской городок охранял Чусовской путь на Сибирь, а Сылвенский городок преграждал другой сибирский путь по Сылве. В целом все эти городки образовали на путях в Сибирь законченную укрепленную черту: об которую неоднократно разбивались набеги зауральских инородцев» (25).

К этому времени Строгановым уже принадлежали речные суда, ходившие по Каме и Волге. «Строгановы были уже довольно крупными землевладельцами: за каждым значились земли, пожни, деревни. Но основные богатства Строгановых складывались за счет крупной оптовой торговли солью. Они продавали соль в Нижнем, Казани, в Вологде, Архангельске и на юг от Москвы – в Калуге и Муроме» (39). Тогда же начались строгановские хлебные поставки – так, в 1578 году Строгановы поставили в Астрахань овса, круп и толокна на 2000 рублей. «В первой половине XVI века, как и во второй половине этого века, когда еще отсутствовала система государственной хлебной монополии, государство в нужных случаях обращалось к частным поставщикам хлеба, в числе которых фирма Аники Строганова занимала не последнее место» (7).

М.В. Фехнер писала в своей работе «Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке»:

«Известно еще, что во второй половине XVI века крупные торговые операции в Средней Азии производили братья Строгановы; они вывозили в узбекские ханства, по-видимому, меха, а импортировали текстильные изделия, которыми снабжали русский рынок, в частности, царский двор. Так, в грамоте царя Ивана Васильевича к братьям Строгановым от 1574 года говорится о получении ширинок (полотенец. – А.А.), приобретенных последними для царя, и дается поручение на дальнейшую их покупку.

Большое количество ширинок из бязи, миткаля, обьяри, расшитых золотом, серебром и разноцветными шелками «положения» (пожертвования) купцов Строгановых, значится в описи имущества Благовещенского собора в Сольвычегодске.

В лице Якова и Григория Строгановых появился новый тип «гостя», соединявший торговлю с промысловыми предприятиями.

Разрабатывая железную руду и устраивая соляные варницы, Строгановы вместе с тем вели крупную торговлю на внутреннем и внешнем рынках Русского государства. Они уже не предпринимали лично, подобно Юрию Греку, торговые поездки на Восток, а направляли туда своих приказчиков. В царской грамоте 1574 года к астраханским воеводам указано, что 4 приказчика Строгановых присоединились с товарами к посольскому каравану Захария Богданова, направлявшемуся в Бухарию» (88) [Прим. 14].

Строгановы доходили даже до Арктики – на Новой Земле сохранились географические названия, имеющие отношения к сольвычегодским хозяевам. «Строгановы в XVI веке, при Анике Федоровиче или при его сыновьях Якове, Григории и Семене Аникиевичах, организовали на Новой земле промысловую колонию из своих дворовых или специально нанятых людей для добычи моржей, нерп, китов-касаток и рыбы. Здесь строгановские люди занимались вываркой сала, ворвани, а также и добычей драгоценной пушнины. Самый факт существования промысла строгановских крестьян на Новой Земле совершенно бесспорен, так как подтверждается наличием кладбища с крестами. На крестах «самовидцы», мезенский лоцман Рахманов и другие мезенские морепроходцы и «грамотные мезенские старожилы», еще во второй половине XVIII века читали имена и фамилии погребенных здесь строгановских промысловых людей. О бесспорности существования строгановской промысловой фактории свидетельствует и наименование Строгановской губы («близ Мутного носа, от южной стороны две губы небольшие, разделяемые узким перешейком: Васильева, Строганова; устье Строгановской губы на 6 верст, длина залива на 4 версты»), оставшееся в географической номенклатуре Новой Земли до сих пор. В XVIII веке еще были целы и «остатки жилищ, видимы даже до днесь на берегах сея губы», а именно различались две избы: в длину и ширину по 8 метров одна, а другая в длину 8 метров и в ширину 6. Новая Земля изобиловала моржами по 15 и 18 пудов (более 3 центнеров. – А.А.), нерпами, китами-касатками, морскими зайцами. По островам Новой Земли бродили бесчисленные стада оленей, множество было песцов, волков, медведей, птиц-гагар, лебедей, гусей, гаг. Анализ изустной традиции, записанной Клингstedтом и В.В. Крестиныным, приводит к выводам о том, что в середине или во второй половине XVI века на Новой Земле в районе Костина шара по побережью Строгановской губы Строгановы основывают промысловое предприятие по добыче ворвани, сала и ловле рыбы трудом здесь поселенных своих работных людей. Сюда завозились мука и соль и вывозились ворвань, сало и рыба. Колония строгановских работных людей к концу XVI века либо погибла от цинги, либо пострадала от нападения «шарашутов», под которыми следует понимать ненцев» (7).

Аника Строганов первый из купцов организовал крупную пушную торговлю с «сибирскими инородцами», жившими между Обской губой и низовьями Енисея – эту местность русские называли Мангазеей.

«В ней не существовало никакой власти: дикие инородцы, «югра» и «самоядь», бродили по тундре и вели меновый торг с проникавшими туда русскими людьми. Обилие мехов ценнейших сортов делало эту местность «золотым дном, своего рода Калифорнией», куда жадно стремились за добычей драгоценного пушного зверя русские люди, истощившие к XVI веку зоологические богатства Беломорских побережий. От удачно поездки в Мангазею можно было сразу разбогатеть. Вот что, например, вывез оттуда московский ревизор, посланный по службе в Иангазею в 1625 году и тайно захвативший с собою для собственного оборота 4 бочки вина и

снаряд для «самогонки»: он привез 15 сороков соболей, 25 «недособолей», 724 выимка собольих, более 900 пупков (ремней из шкурок, с брюшка), более 100 белых песцов, 6 голубых песцов, 15 бобров, 162 зачины, несколько меховых одеял, кафтанов и шуб, 16 пластин собольих и много «всякого лоскута» и более дешевых мехов.

В Мангазею вели многие пути. Один из них шел с реки Печоры в реку Усу, «а по Усе-реке вверх до устья Соби-реки, а из Соби-реки в Ель-реку до Камени (Уральского хребта) до волоку, а через Волок через Камень в Собь в другую реку, а Собью реку вниз до Оби Великой». Это был Северный путь, на котором с течением времени возник городок Обдорск на Оби против Собского устья. Второй путь шел южнее: с реки Вычегды «на реку Вымь, с Выми на реку Турью, а с Турьи на Печору, а с Печоры через Камень», вероятно, по реке Щугуру и реке Сосьве в Обь. На этом пути около 1594 года стал город Березов. Еще южнее наметилась третья дорога – с реки Камы по реке Тавде или Туре и реке Тобол и по Тоболу в Иртыш и Обью до Обской губы. Все эти дороги были трудны; на них были многие «злые места». Южный путь был наиболее удобен, но и наиболее долог; в кроме того, на нем расположилось «Сибирское царство», сквозь которое не всегда можно было пройти от татарских насилий. Неудобства этих «сухих дорог» заставляли русских промышленников, идущих в Мангазею, выбирать морской путь. В «большое море окиян» выходили из Северной Двины, из Холмогор, или из «Кулойского устья» (из реки Кулоя): или из «Пуста-озера» (из Печеры), и «бежали парусом» в Карскую губу. В эту губу впадала речка Мутная, которая верховьями своими, через озера, сближалась с речкой Зеленой, текшей в Обскую губу. Между Мутной и Зеленой был «сухой волок», «а сухого волоку от озера до озера с полверсты и больши, а место ровное, земля песчаная». Перебравшись через волок, выходили Зеленой рекой в Обскую губу, не огибая полуострова Ямала, и шли в Тазовскую губу, где уже была Мангазея. Путь этот был тоже нелегкий, и здесь встречались всякого рода трудности и «морем непроходимые злые места». Но морской ход давал возможность перебросить сравнительно большие грузы в относительно короткий срок, «поспевают морем в Карскую губу от города Архангельска в две недели»; и столько же надобно времени на остальной путь: в итоге «поспеть от Архангельского города в Мангазею недели в полпяты мочно». Конечно, четыре с половиною недели немного сравнительно с тем, что с Камы в Мангазею надо было идти два с половиною месяца. Так как на всех путях идущих ожидали всякого рода опасности и трудности и от природы, и от лихих людей, то морской путь с его льдами, штормами и противными ветрами не казался хуже других, и промышленники предпочитали пользоваться именно им.

По мнению хорошо знавшего русскую жизнь XVI века голландца Исаака Массы, именно от торгового с самодьями на низовьях Оби и пошло богатство Аники Строганова, ибо он сумел ранее других людей пробраться на Обь и наладить там обмен драгоценных мехов на дешевые «немецкие» безделушки и иной русский товар. Так выясняется значение для строгановского хозяйства далекой Мангазеи, и становится понятным обращение Грозного именно к Строгановым за наиболее ценными сортами пушнины, «за дорогими соболями единцами». Сидя на Вычегде в своем Сольвычегодском хозяйстве, Строгановы для сношений с Мангазеей должны были пользоваться как «сухими дорогами», шедшими туда через Печору и «Камень», так и морским путем. Когда же они завели хозяйство в Пермском крае, на Каме и Чусовой для них с 1560–1570 годов получил значение и тот южный путь, который выводил на Иртыш и Обь по рекам, близким к их новой вотчине, скорее всего – по Туре» (69).

Торговля мехами была значительно увеличена. Склады пушнины находились во всех строгановских вотчинах, ставшими с 1573 года постоянными поставщиками мехов для царского двора.

«Вооруженные ватаги повольницы новгородской не всегда мирно, чаще с угрозой и прямым примучиванием, производили односторонне выгодный для себя промен пушнины. Аника в первой половине XVI века был одним из первых купцов, применивших новые методы в

такой хищнической торговле, привычной, а потому и обычной. Аника постарался перейти в своих сношениях с инородцами от вооруженного насилия к добровольным сговорам, создавших видимую выгоду для постоянно притесняемого прежде контрагента сделки [Прим. 15]. Смелая предприимчивость, неустанная жажда барышей, умение организовать сложную экспедицию в далекую Сибирь [Прим. 16], наличность в составе двора Аники инородцев и даже иноземцев, владевших туземными и русскими языками, готовность рисковать и в то же время решительность, осмотрительность и осторожность в действиях, и, наконец, необходимый для налаживания большого торгового предприятия капитал – все эти характерные черты хорошего хозяина у Аники были налицо. Проложив себе дорогу в Сибирь, познакомившись с нею через своих агентов, Аника, через некоторое время, часть своих хозяйственных расчетов начинает строить и в других территориальных областях. Разумеется здесь заведение им Пермских вотчин, земли для которых, заранее осмотренные и оцененные, в большом количестве Аника получает пожалованными от царя Ивана Грозного на имя своих сыновей с 1558 года. С этого года внимание Аники начинает двоиться: почасти живя в Пермских вотчинах со своими сыновьями Яковом и Григорием и налаживая здесь хозяйство сразу с широким размахом, заводя ряд соляных и железоделательных промыслов и устраивая пашню и новоприбылое население, Аника на время своих отлучек, оставляет в своем родовом гнезде третьего своего сына Семена и тем не менее не упускает из виду налаженные дела в Соли Вычегодской, постоянно заботясь о их улучшении и расширении» (3).

Строгановы постоянно выполняли поручения Ивана Грозного о поставках для царского двора – царские дьяки писали Якову и Григорию 1 октября 1574 года: «Чтоб есте купили часа того пуху гусина доброго, мелкого, нового, чистого – пуд с пять или больше, а денег послали есми к вам 20 рублей, и вы бы однолично нового пуху купили и прислали тот пух к нам с Шестаком с Васильевым наборзо» (7).

Тогда же в Сольвычегодске стал формироваться и фамильный строгановский архив [Прим. 17]. Аника, умерший 2 сентября 1570 года монахом Иосафом, оставил библиотеку, в которой было 206 книг – летописи и хронографы, духовная литература – евангелии, псалтыри, часовниками, книги Ветхого завета, жития святых [Прим. 18]. Библиотека постоянно пополнялась его потомками и хранилась в Сольвычегодске. Там же находилось собрание икон – «в иконы он вкладывал значительные капиталы, серебряные и золотые оклады, венчики из драгоценных камней и жемчуга, который добывался на реке Иксе, близ Сольвычегодска, дорогие киоты и божницы, частицы мощей, приобретающиеся на Москве от заезжих гречан, – все это требовало расходов и на это не скупился обычно не расточительный хозяин» (3).

Аника постригся в основанном им в своих пермских вотчинах Благовещенском Пыскорском монастыре, строившемся с 1560 по 1584 год. Монастырю во владение в 1570 году был передан городок Конкор с землями. Это была личная инициатива Строгановых, желавших иметь собственный патрональный монастырь, который был подчинен непосредственно московским митрополитам. Именно во время строительства монастыря были созданы строгановские иконописные мастерские и начато создание икон знаменитого «строгановского письма» [Прим. 19].

«Братья Яков, Григорий и Семен Аникиевичи, а позже Семен Аникиевич с своими молодыми племянниками – Максимом и Никитой деятельно строят величественный и монументальный Благовещенский собор с его сложной системой «подпапертных мест» и тайников в толщах стен с секретными лестничными переходами. Занимает их внимание и растянувшаяся стройка с 1565 года Введенского монастыря, когда Яков, Григорий и Семен Строгановы срубили первую в монастыре деревянную церковь, а монастырь обнесли оградой. В 90-х годах XVI века Никита Григорьевич Строганов в ограде Введенского монастыря рубит несколько храмов, над воротами строит надвратную церковь «Во имя всех святых», под колокольной ста-

вит Богоявленскую церковь и соединяет переходами с надвратной. Ставит и третью церковь «во имя Грузинской Божией матери». Все эти деревянные храмы, впрочем, сгорели во второй половине XVII века. Главный собор строился восемь лет и был внутри украшен множеством резных деревянных статуй святых, сохранившихся донныне в Сольвычегодском музее и в Пермском художественном музее. Среди этих деревянных статуй, иждивением Никиты Григорьевича Строганова резанных местными резчиками, особенной художественной выразительностью выделяются в Сольвычегодском музее «Спаситель в темнице», «Господь Саваоф», «Жены Мироносицы», «Святой Николай Можайский» (7).

Биограф Строгановых А.А. Введенский писал о родоначальнике династии:

«Аника Федорович, родившийся в 1498 году и умерший монахом Иосафом в 1570 году, был любопытной фигурой в рядах купечества своего времени. Расчетливый делец и благочестивый человек, он одинаково ревностно строит храмы и соляные варницы на далекой Коле, Вычегде и Каме; инстинкты крупного капиталиста-предпринимателя, умело использующего промах конкурента и слабость зависимого от него человека, сочетаются в нем с дальновидным расчетом на постоянное содействие и церкви и центральной власти, для чего он умеет оказать услуги двору и Московскому митрополиту; неприхотливый в своих потребностях, носящий кафтаны и шубы своих предков, он обнаруживает выдающийся интерес к рукописной и печатной книге и оставляет после себя большую библиотеку. Вечно деятельный, приумножающий свои богатства, любитель книжного чтения, образцовый церковник, а под конец своей жизни и монах – таков внешний облик родоначальника Сольвычегодской ветви рода Строгановых. Аника сумел передать своим трем сыновьям Якову, Григорию и Семену и сильные и слабые черты своей личности, рано привлекая их к своим делам (Яков родился в 1529 году, следом за ним Григорий и Семен. – А.А.) и заставляя их работать самостоятельно, когда они постигали сущность работы и методы ведения торговых и промысловых дел под непосредственным его руководством. И мы знаем, что отцовская выучка пошла впрок и дала отличные результаты. В сыновьях Аники и в их потомстве мы постоянно видим характерную для этого рода черту неустанной, кипучей, практической деятельности людей, энергично увеличивающих отцовские капиталы и в то же время остающихся любителями, а иногда и активными деятелями просвещения и культуры.

Сольвычегодское хозяйство Аники Строганова было одновременно и культурным очагом, распространявшим лучшую технику и знания в окружающей среде; так, долго жившее в Сольвычегодске сканное дело получило свое начало от строгановских ювелиров; позже возникшие иконописные мастерские выработали особый стиль в иконописи, перенятый всей страной.

Все время, на протяжении XVI–XVII веков, в роду Строгановых сменяются поколения удачливых купцов и отважных предпринимателей с большой практической цепкостью и сметкой и в то же время ревнителей церковного благолепия, собирателей книг, любителей хорошо нарисованной иконы, иногда и самих выступающих в роли иконописцев художников (организаторы похода Ермака в Сибирь Максим Яковлевич и Никита Григорьевич были иконописцами-любителями. – А.А.). Словом, черты отчетливо обнаружившиеся в личности Аники Строганова, оказались характерными чертами и для всего его рода» (3).

Строгановское дело продолжили дети Аники Федоровича – Яков, Григорий и Семен, «которые с 20-25-летнего возраста становятся уже деятельными помощниками в сложном деле руководства и управления торгово-промышленными делами фирмы, которая кроме соляного промысла имела железодутный и кузнечный промысел, ярмарочную торговлю по селам Поморья и по посадкам Русского государства, добывала пушнину, имела оптовую и розничную торговлю печорской красной рыбой, иконами, железными плитами и разнообразными товарами как своего производства и промысла, так и купленным. Все это обозначилось достаточно рельефно уже во время жизни и деятельности основателя сольвычегодского дома Строгано-

вых, при Анике Федоровиче Строганове. И в зрелом возрасте его сыновья, уже женившиеся, не отделяются от отца, а составляют одну большую семью, которая вместе ведет все дела и в которой если и бывают семейные нелады и неурядицы, то все они подавляются властным авторитетом старика-отца, про которого народное предание сохранило рассказ, где гневный Аника за непослушание бросает свою непокорную дочь в Вычегду и водворяет крутой расправой мир в семье. Единство в семье, конечно, поддерживалось не этими или не только этими способами семейной расправы, чинимой главой семьи. Объединяло всех всеобщее участие в большом деле. И позже, когда после смерти Аники Строганова его сыновья разделились, мы можем наблюдать, что, несмотря на формально разделенное имущество, дела ведутся во многих случаях от лица всех братьев, которые входят друг с другом в специальные, иногда письменные, договоры, регулирующие их общие выступления. Это понимание общих интересов предприятия предохраняло его от измельчания и распада» (7).

В середине XVI века в Московском государстве еще существовали несколько удельных княжеств, существовали крупные земельные владения княжат, бояр и монастырей, небольшие вотчины и поместья дворян и детей боярских [Прим. 20].

Владения Строгановых составляли особое феодальное образование, которое, по жалованным грамотам 1558 и 1564 годов было неподсудно пермским наместникам и их тиунам. Центром владений Строгановых стал крепость-городок Орел, основанный на месте пермского поселения Кергадан, имевший пушки и пищали. Остальные слободы Строгановых – Яйва, Чусовая, Сыльва – имели небольшие укрепленные остроги. В середине XVI века был основан и Кайгород, ставшим складочным местом для соли, принадлежавшим Строгановым [Прим. 21].

По писцовой книге 1579 года во владении Строгановых находилось 4 слободы, 11 деревень, 28 починков с 352 дворами (в них 406 человек). К этим слободам и деревням было приписано большое количество пашенной земли и сенных угодий. В самом Чердынском уезде вместе с посадом числилось 1493 двора, людей в них 1700, «Самые вотчины Строгановых образовали особый по управлению округ, получили многие льготы и обыкновенно разделялись на несколько частей по числу владельцев, одни из которых жили в Орле-городке на Каме, другие – в Чусовском городке на ее притоке Чусовой. В прочих же городках (Яйвенский острожек, Сылвенский острожек) сидели приказчики их. Однако и после того главной резиденцией Строгановых продолжал оставаться Сольвычегодск, где была их родовая усыпальница» (13,14). В 1577 и 1578 годах там были похоронены Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы. В том же году управлять отцовыми вотчинами начинают племянники Семена Аникиевича – двадцатилетний Максим Яковлевич и шестнадцатилетний Никита Григорьевич Строгановы.

«Сольвычегодская вотчина после раздела ее в 1578 году продолжает увеличиваться и преуспевать в расширении своего производства соли. Из деловой 1583 года сентября 29 можно узнать, что Семен и Максим Строгановы в свое общее владение сумели прикупить в Сольвычегодске «после Никитина делу Леонтьевская труба, Захарьевская труба, да полтрубы Кривуши». На Москве к имевшимся четырем дворам в Ветошном ряду у Богоявления Строгановы прикупили и двор на Вшивой горке, да двор немчина Елисея Анова. Кроме того, на Москве у Строгановых имелся еще Аникою Федоровичем устроенный дом на Покровской улице в Земляном валу.

Главным центром правления всех вотчин после смерти Аники Федоровича у Строгановых остается Сольвычегодск, сохраняющий это значение для второй половины XVI века полностью. Сольвычегодская вотчина, кроме того, служит и основной базой военного снабжения городков пермской вотчины. Из сольвычегодской вотчины шло снабжение налаживающегося солеваренного промысла в Перми Великой циренами, буровым инструментом, квалифицированными кадрами поваров и подварков. Сольвычегодские дворы Строгановых снабжали вновь

устраиваемые церкви пермской вотчины богослужебными книгами, иконами, попами и причетниками» (7).

Второй резиденцией Строгановых после Сольвычегодска стал город Соликамск [Прим. 22], вокруг которого в 1579 году жило всего 205 человек. В Закамье преобладали деревни и починки, не было дворянского землевладения и полностью отсутствовали дворянские вотчины и поместья. Соляные запасы в Сольвычегодске были значительно выработаны, и соликамская соль, стоившая в Москве в двенадцать раз дороже, чем в Усолье Камском – древнем названии города, не дала уменьшить строгановские соляные поставки по всему Московскому государству [Прим. 23].

«Смелые предприниматели, они в поисках рассола постепенно поднимаются вверх по реке Каме от Камского Усолья, где у них были соляные варницы, сперва утверждают в нескольких местах к юго-востоку от Соли Камской в построенных ими городках Канкоре и Кергедане, а оттуда в ближайшее десятилетие последовательно захватывают речные пути дальше на Сибирь, Чусовую и Сылву, а в 1574 торопятся обеспечить себе возможность дальнейшего захвата этого пути, «в Сибирской стороне за Югорским камнем, на Тагчее, и на Тоболе реке, и на Иртыше, и на Оби, и на иных реках. На занятых землях они имели ввиду «пашни, росчистя пахати и двор ставити, и людей называти, и рассолу искати, где найдется, и соль варити, и по рекам рыбы ловити». Таким образом, на границах русского мира, на перепутье между Европой и Азией, возникло своеобразное частно-владельческое государство, почти независимое от центра и всецело подвластное «именитым людям Строгановым» (тогда еще не «именитым». – А.А.). На пожалованных землях закипела работа» (24).

«Самую мысль о возможности наступления за Урал по Тоболу и Иртышу надобно относить к 1574 году, когда Строгановы просили, а Грозный дал им право этого наступления. Нет оснований сомневаться в подлинности сообщаемой Строгановской летописью царской грамоты 30 мая 1574 года. По этой грамоте Строгановым разрешалось ставить крепости и держать вооруженную силу, «крепиться всякими крепостями накрепко» – «в Сибирской стране за Югорским камнем на Тагчях и на Тоболе-реке и на Иртыше и на Оби и на иных реках». Делалось это «для береженья и охочим людям на опочив», потому что «Сибирский салтан» и зависимые от него инородцы часто нападали на русские поселки в Пермском краю и мешали мирному движению по названным рекам. Между тем по Оби и Иртышу «с Руси» ходили «охочие люди» в Мангазею, а на Русь приходил «торговые люди бухарцы». Оба направления – на Сибирский север и в Среднюю Азию – питали русскую торговлю азиатскими товарами и были весьма ценны для Строгановых. Соображая местные условия, Строгановы рассчитывали утвердиться на важных путях и сбить с них «Сибирского салтана», вогулич, остяков и прочих инородцев. Мысль, возникшая в 1574 году, таким образом начала осуществляться в 1581 году» (69).

Часть II. Государственные деятели. Иван IV. Ермак. Завоевание Сибири. 1579–1584 годы

В марте 1574 года Яков и Григорий Строгановы были вызваны в Александрову слободу – «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б были к нам в Слободу часа того на подводах, а подорожную есми к вам послали с сею же грамотою вместе» – «От Москвы до Слободы по ямом ямщикам, а где ямов нет, всем людем без отмены, чей кто ни будь, чтобы есте давали Якову да Григорию Аникиевым детям Строгановым по две подводы да по проводнику в оглобли везде, не задержав ни часу» (7).

Западная Сибирь была связана с русскими землями с XI века, когда югорские племена, населявшие междуречье Оби и Иртыша, начали продавать пушнину новгородцам, ходившим по реке Печоре и ее притокам на нижнюю Обь и на реку Таз, в знаменитую Мангазею. Иван Грозный считал Сибирь территорией Московского царства – в 1563 году в грамоте польскому королю Сигизмунду он титулует себя царем «Удорским, Кондинским и всяя Сибири».

30 мая 1574 года Иван Грозный пожаловал Строгановым земли по сибирской реке Чусовой. Иван IV отдавал не свое – эти земли по праву завоевания принадлежали Сибирскому ханству, в начале XV века выделившемуся из состава Золотой Орды [Прим. 24].

«Единство Джучиева улуса, державшееся не столько на экономических связях, сколько на деспотической власти ханов Золотой Орды, было нарушено во время двадцатилетней феодальной междоусобицы, начавшейся во второй половине XIV века.

При выделении улусов Батыем два его брата – Шайбан и Орда-Ичен, получили улусы в Сибири и закрепили их за своими потомками. В 20-х годах XV века от Золотой Орды отпала Синяя орда; улус потомков Шайбана распался на самостоятельные государства – Сибирское, Казахское, Узбекское ханства.

Основателем Сибирского ханства был потомок Шайбана Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом Сибири в 1420 году при поддержке сына Едигея [Прим. 25] – Мансура. Последним сибирским ханом стал Кучум.

Ко времени походов Ермака Сибирское ханство занимало обширную территорию в Западной Сибири. Границы ханства простирались от восточных склонов Уральского хребта, захватывая бассейны Оби и Иртыша. На западе оно граничило с Ногайской Ордой в районе реки Уфы, на Урале – с Казанским ханством, на северо-западе по рекам Чусовой и Утке оно граничило с Пермью. К северу его граница тянулась до самого Обского залива; на севере от Обского залива восточная граница Сибирского ханства шла по рекам Надим и Пим к городу Сургут, а затем поворачивала к югу по реке Иртышу; в районе реки Обь несколько уходила к востоку от Иртыша, охватывая Барабинскую степь. На юге Сибирское ханство в верховьях рек Ишима и Тобола граничило с Ногайской Ордой.

Огромная территория Сибирского ханства отличалась от других татарских государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. Она была слабо населена; даже в XVI веке, при правлении Едигера, Сибирское ханство насчитывало 30700 человек улусных «черных людей». Само татарское население, составлявшее господствующую прослойку, выделялось в виде отдельных островков среди массы местного населения – манси и вогулов, враждебно настроенных против татарской аристократии и их ханов» (77). [Прим. 26].

После захвата Московским царством Казанского и Астраханского ханства правитель Сибирского ханства Едигер прислал в Москву послов с поздравлениями и «выразил желание, чтоб мы утвердили спокойствие и безопасность его земли». Едигер посылал подарки с перерывами до 1563 года – в этом году он был убит – сибирским ханом стал Кучум, имевший сильную ногайскую армию. Подарки прекратились и начались конфликты, касающиеся принадлежно-

сти сибирских и пермских земель; а также захваты купцов и гонцов. В 1569 году Ивану Грозному была передана грамота Кучума. Хан писал:

«Бог богат!

Вольный человек Кучум-царь, Великий князь – Белый царь.

Слыхали есмь... еси и справедлив. Мы, и весь народ, – земли воюютца, а не учнут воеватца – и оне мирятца. С нашим отцом твой отец гораздо помирился и гости на обе стороны ходили, потому что земля твоя близка. Люди наши в упокое были, и межи их лиха не было, а люди в упокое в добре жили. И ныне, при нашем и при твоём времени, люди черные не в упокое.

А по ся места грамоты к тебе не посылал есми по тому, что не с которым нам война была. И мы того недруга взяли. И ныне похош миру – и мы помиримся, а похош воеватца – и мы воюемся. Пяти, шти человек в аманатах держать: земле в том что?

Яз пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся – только похош с нами миру. И ты из тех людей одного, которые в поиманье сидят, отпусти и своего человека с ними к нам пришли гонцом.

С кем отец чей был в недружбе, с тем и сыну его в недружбе же быти ли? И ныне помиримся, братом старейшим чии учинимся в отечестве – только похош миру!

И ты наборзе к нам гонца пришли.

Молвы с поклоном, грамоту послал.

На обороте грамоты надпись: «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу». Иван Грозный ответил. Дипломатическая переписка продолжалась несколько лет – до тех пор, пока Кучум, с 1563 по 1570 год, боролся с сыном Едигера Сейдяком и другими сибирскими мурзами за сохранение своей власти. Последнюю дань в 1000 соболей привез в Москву посол Кучума Таймас в 1571 году. В следующем году начались постоянные военные набеги отрядов Кучума на пермские земли. В 1573 году родственник Кучума царевич Маметкул перебил многих остяков, плативших дань Москве, захватил и убил царского посла Третьяка Чебукова. «Посеявший ветер – пожнет бурю». В августе 1572 года в грамоте Ивана Грозного Строгановым (все грамоты, а также многие другие строгановские документы публикуются в этой книге. – А.А.) был изложен «правительственный план военной компании (против Кучума. – А.А.), который Строгановы и уполномочиваются осуществить». Строгановы осуществили его и Западная Сибирь вошла в состав России. Биограф Строгановых А.А. Введенский писал:

«Николай Витзен посетил Россию в 1664 году, приехав в составе свиты голландского посла Бориля. Цель приезда Витзена была по-видимому чисто научная. В предисловии к своему труду, над обработкой которого он трудился 25 лет (N. Witsen. Noord en Ost Tartarye. Amsterdam 1692), он, перечисляя свои источники, сообщает и о том, что, находясь в Москве, он познакомился с торговцами персианами, самоедами, тунгусами, грузинами и тщательно записывал их рассказы, вошел в оживленные сношения с голландской колонией купцов в Москве, со слов их и их агентов, рассеянных по разным городам, записал ряд данных по этнографии, истории и археологическим древностям страны. Был, по-видимому, в дружбе с дьяками и подьячими Посольского приказа, у которых также получал сведения. Витзен дает до шести противоречивых версий о покорении Сибири Строгановыми дружиной Ермака, пометая их, как взятые из письменных источников – корреспонденций, ему доставленных с мест. Все версии Витзена не сходны с Есиповскими редакциями Сибирских летописей – знак, что он их не знал и их данными не пользовался. Все редакции Витзеновских текстов о покорении Сибири резко выделяют роль Строгановых в призвании Ермака то с Дона, то с Муромы, в одной редакции – упоминает Данилу Строганова, при котором якобы это завоевание произошло. Только это одно имя и дается, нет имен Максима, Семена и Никиты Строгановых, настоящих организаторов походов Ермака. Поэтому можно думать, что Витзен также не знал и Строгановских редакций Сибирских летописей. Тексты Витзена выросли на иной основе,

очевидно на тех устных преданиях, сохранившихся на местах, которые были записаны корреспондентами Витзена, а также и на неизвестных нам их письменных записях. Приводимый нами текст представляет пример самой краткой версии Витзена о покорении Сибири.

«Строгановы первыми открыли Сибирь. Они оказали помощь некоему разбойнику, именуемому Ермаком Тимофеевичем, оружием и в ином отношении. Ермак поднялся на лодках по реке Чусовой и так как он не мог подняться выше реки Утки, за которой река Чусовая становится недостаточно глубокой, то он вытащил свою лодку на сушу и пешком отправился через реку Утку в Сибирь, где он после многих приключений дошел до реки Тобола. И, наконец, подвергся нападению со стороны татар; проснувшись, хотел бежать к лодкам, которые находились на реке, но, будучи тяжело вооружен кольчатым панцирем, намереваясь прыгнуть в свою лодку, прыгнул мимо и пошел ко дну как камень и его тело не было найдено. Его товарищи отчасти вернулись из Сибири домой тем же путем по реке Чусовой и, как говорят, там спрятали сокровища в каменной горе. Эта гора очень крута и высока. И на ее склоне имеется пещера, которую я сам видел, и русские называют Ермаковой горой. И русские, с которыми я говорил, были там, чтобы поискать сокровища, которые могли бы быть там положены, для чего спускались на канатах, рискуя жизнью, в пещеру, но после долгих поисков не нашли ничего иного, кроме старого оружия, стрел, пик и других предметов небольшой ценности. На Чусовой, которая впадает в Каму вверх по течению приблизительно верст 200, лежит городок, принадлежащий Строгановым – Нижнее Усолье. Несколько миль оттуда на другой стороне – другой городок, Верхнее Усолье или Усолье Камское, этому роду принадлежит почти вся земля по обеим сторонам реки. Там нагружают много соли, которая вывозится большей частью в Нижний Новгород, а также во всю Россию. Оттуда – 25 верст вверх по реке лежит другой городок, Камассина, приблизительно 20 верст от него находится по левую сторону упомянутая Ермакова гора, 30 или 40 верст оттуда живут некоторые вогуличи ил вогулы, имеющие там дома и жилища, с этого места 6 или 7 верст вверх по течению лежат лодки этого Ермака, хотя и сгнившие, сохраняемые на память. Русские в этих местностях молятся за этого Ермака, так как им совершено такое святое дело, как открытие Сибири.

Мы не знаем конкретных причин обращения Строгановых к волжским казакам Ермака, но можно думать, что к ним относились: непрекращающаяся мелкая война с нерусскими народностями в пределах строгановских пермских вотчин и невозможность подавить выступления восставших народов Сибири собственными небольшими силами. Наконец, организованный отряд казаков нужен был и для реализации владельческих прав на пожалованные земли в Зауралье, «на Тахчях». Если освоение пермских вотчин по реке Каме с ее притоками могло идти с 1558 по 1480 год при военной и административной поддержке аппарата управления казанских и чердынских воевод, то освоение территорий в Зауралье, где фактически власть Русского государства отсутствовали, Строгановым приходилось осуществлять с помощью лишь своей военной силы» (6).

7 апреля 1578 года Строгановы, у которых все взрослое боеспособное мужское население их вотчин не превышало 400 человек, отправили письмо казачьему атаману «Ермаку Тимофееву с товарищи» [Прим. 27] с призывом прибыть к ним на службу. 28 июня 1578 года отряд волжского атамана прибыл в их пермские вотчины и несколько лет охранял их от набегов татар и вогуличей. Пермский исследователь А.А. Дмитриев, используя достоверное «Сказание Сибирской земли» и другие документы, писал: «В то время на Волге, на Самарской Луке имела становище казацкая дружина Ермака. Род Ермака происходил из суздальской земли. Его дед, Афанасий Григорьев Аленин «от хлебной скудости» переселился во Владимир, где и воспитал двух сыновей своих – Родиона и Тимофея, кормился извозом и нанимался даже у разбойников: за что некоторое время сидел в тюрьме, но бежал из нее с семейством в Юрьевец Поволжский, где и умер. Сыновья же его «от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы».

Из сыновей Тимофея Аленина самым способным оказался Василий (у Родиона были сыновья Дмитрий и Лука, у Тимофея – Гаврила, Фрол и Василий. – А.А.) Он ходил на стругах у Строгановых по Каие и Волге, но потом ушел от работы на волю, прибрал себе небольшую дружину и стал казаком. Товарищи избрали его своим атаманом и прозвали его Ермаком, желая скрыть его настоящее имя на случай поимки, что среди казаков было обычным делом (еще работая на судах, Василий от товарищей своих был назван Ермаком, служа им кошеваром, ибо они сим именем называли дорожный артельный таган, а по волскому наречию «ермак» значит еще жерновой ручной камень)» (17).

Перед походом в Сибирь казаки Ермака совершили поход вниз по Каме и ее притоку Сылве, после чего зимовали возле устья реки Чусовой. Н.М. Карамзин писал: «Начиная описание Ермаковых подвигов, скажем, что они, сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною и под именем летописаний обманывали самих историков».

Тщательная и основательная подготовка Сибирского похода Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем Строгановым при помощи Никиты Григорьевича началась отливкой пищалей в строгановских пермских вотчинах. «В собрании древностей в строгановском фамильном доме – дворце на углу Невского проспекта и Мойки в Петербурге – в 80–90 годах XIX века хранилась затинная пищаль с вылитой на стволе ее славянской вязью надписью: «В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 1582 (7090). Строгановская летопись сообщает кратко, что Строгановы «удоволиша их мздою и одеянием украсиша их и оружием огненным, пушечки и скорострельными пищальми семипядными и запасы многими и всеми сими довольно сподобиша их, и вожев, ведущих той сибирский путь, и толмачев бусурманского языка им даша и отпустиша их в Сибирскую землю с миром.» Ремезовская летопись эти общие сведения уточняет: Строгановы снабдили Ермака дружиной «поартелно по именом на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти и колико масла пудов и знамена полковые с иконами, всякому сту по знамени» (7).

Дружина Ермака, очевидно, была в 540 человек, к которым Строгановы добавили около 300 своих «охочих людей» из своей чусовской вотчины. Сам Ермак был опытейшим атаманом, «полевавшим» не менее двадцати лет, такими же были и его сотники – Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк. «Если положить, согласно с Карамзиным, что дружина Ермака состояла только из 840 человек, то по сему числу людей количество отпущенных Строгановыми припасов составляло:

Пороху – 63 пуд.
 Свинцу – 63 пуд.
 Муки ржаной – 2520 пуд.
 Круп и толокна – 1680 пуд.
 Сухарей – 840 пуд.
 Соли – 840 пуд.
 Масла – 52 пуда.
 Ветчины – 210 полтей.
 Знамен до 8.

В делах Строгановых есть сведения, что сделанное ими вспоможение Ермаку, при отправлении его в Сибирь, по тогдашним ценам на съестные и боевые припасы, простирается на сумму 20000 рублей» (92).

Летом 1580 года на пермские земли напал зауральский мурза Бегбелий, но был разбит, взят в плен и отпущен под обязательство перейти в подданство Москвы. «Нападение Бегбелия Ахтокова на строгановские чусовские вотчины имело для их внутренней жизни огромное значение: оно явилось поводом для ускорения отправки сибирской экспедиции Ермака. Необходимость немедленно добиться повиновения пелымских манси и их повелителя – сибирского хана Кучума и вызвала посылку отряда Ермака в необычно позднее осеннее время – 1 сентября 1581 года» (7).

Документальные источники называют разные сроки сибирского похода Ермака.

«Первыми сказателями и описателями сибирской экспедиции Ермака были сами участники похода. Это они, откликнувшись на повеление тобольского и сибирского архиепископа Киприана, «принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были». Дальнейшие многократные редактирования и дополнения казацких «сказов» и породили ту неразбериху в трактовке хронологии, описания, подготовки, осуществления, результативности похода и действий Ермака в Сибири, и роли в этом казаков, Строгановых и правительства, в которой до сих пор не могут разобраться исследователи.

Одни из них полагают, что поход Ермака начался 1 сентября 1578 года, другие считают датой начала похода 1 сентября 1581 года, третьи – 1 сентября 1581, а четвертые – 1 сентября 1582 года. Но все исследователи единодушны в одном: в Искор (Кашлык) Ермак вступил 26 октября 1582 года» (84).

Сибирский поход дружины Ермака, состоящей из 540 казаков и 300 строгановских «охочих людей», начался 1 сентября 1581 или 1582 года. Казаки на стругах, выдерживавших 20 человек с грузом, поплыли вверх по рекам Чусовой и Серебрянке, волоком перешли в реку Тагил и зазимовали в его верховьях в острожке Кокуе.

В день начала сибирского похода Ермака начался набег на столицу Великой Перми отрядов пелымского князя Кихека, очевидно знавшего о предстоящем уходе казаков. 700 пелымцев сожгли Кайгород и Соликамск, вошли в прикамские строгановские вотчины и осадили Канкор, Кергедан, Яйвенский и Сылвенский острожки, Чусовой городок – «и около ту живущих крестьян множество посекоша, и села их, и жилища пожгоша» (13, 14). «Отлично укрепленные Чусовской городок и Яйвенский и Сылвенский острожки не только устояли против штурмов Кихека, но вылазки строгановских гарнизонов нанесли ему основательное поражение. Решающее сражение Максимом Яковлевичем Строгановым было дано войску Кихека в районе Нижне-Чусовского городка. Оно продолжалось целый день. Строгановы, собрав вооруженную силу своего вотчинного гарнизона, вооружив сбежавшихся в Чусовской городок крестьян, промысловых работных людей и «около живущих мирных остяков и вогулич на того князца, в некотором месте тесном, сильное нападение учинили». Неприятель был разбит, отбит и сами враги во множестве были взяты в плен. Кихек с остатками своих бойцов бежал» (7).

Через год после набега пелымского князя последовало донесение пермского воеводы [Прим. 28] Василия Пелепелицына в Москву – Строгановы обвинялись в том, что отправив казаков Ермака в Сибирь, не смогли защитить пермскую землю [Прим. 29]. Ответом была «опальная грамота» Ивана IV от 6 ноября 1582 года – Иван Грозный, теснимый в Ливонии (польский король Стефан Баторий уже вторгся в русские земли) боялся приобретения нового врага – Сибирского ханства [Прим. 30], но на Строгановых не было наложено никакой опалы. Впрочем, дело было сделано – за месяц до этого дружины Ермака взяли столицу Сибирского ханства.

В начале мая 1582 года казацкие дружины по рекам Тагилу и Туре с боями прошли до Чинги-туры (Тюмени), взяв по дороге городок Епанчин (Туринск). Взяв летом 1582 года Чинги-туру, казаки двинулись вниз по Туре. В месте впадения Туры в Тобол казаков Ермака встретили отряды хана Кучума. А.А. Введенский указывал, «что общая численность поддан-

ных сибирского хана, которые обязаны были платить дань, исчислялись в 30700 человек. Даже мобилизуя всех мужчин, способных носить оружие, Кучум едва ли мог выставить более 10–15 тысяч воинов. Однако в любом случае на стороне Кучума было многократное численное превосходство над Ермаком» (6).

После боя 8 июня 1582 года с отрядами племянника Кучума Маметкула казачьи струги вошли в реку Тобол, прорвавшись через железные цепи, натянутые татарами поперек реки. 21 июля крупный бой произошел у поселения Бабасановые юрты, татары «вдашася бегству». В начале августа 1582 года отряды Ермака совершили поход вверх по притоку Тобола – Тавде, вернувшись через месяц назад. 8 сентября казаки взяли городок мурзы Карачи, находившийся в 70 километрах от столицы Кучумова ханства Искера. Получив от Строгановых подкрепление из 300 человек, приведенных Иваном Кольцо, 14 сентября 1582 года казаки взяли прикрывавший Искер городок Атик.

1 октября состоялся первый штурм Искера, отбитый татарами. 23 октября штурм был повторен и Искер пал. 26 октября 1582 года дружины Ермака «внидоша во град Сибирь». В декабре 1582 года Ермак отправил посольство в Москву к царю Ивану Грозному. Обласканное посольство вернулось в Сибирь в марте 1583 года.

20 февраля в результате внезапного налета казаков, предупрежденных остяками, был захвачен царевич Маметкул, позднее, в ноябре 1584 года, отправленный в Москву к царю. Весной 1583 года казачий отряд есаула Ермака Богдана Брызги прошел до устья Иртыша, с боем взяв городок Назым, и вышел на Обь. Летом по этому же маршруту прошла и вся дружина Ермака. «Ермаку и его казакам пришлось шаг за шагом отвоевывать территорию по нижнему течению Оби у остяцких князьков, оказывавших ми упорное сопротивление в своих укрепленных городках. Достаточно назвать остяцких князьков, властвовавших на притоке Иртыша Демьянке, Бояра и Нимьяна, город которого «велик и крепок», возвышавшийся на «крепости горы», тщетно в течение трех дней штурмовали казаки; князца Самара, город которого стоял близ устья Иртыша; кодского князя Алача, который был «во всех городах славен», и других» (25,26).

В помощь Ермаку в мае 1583 года по царскому указу из Москвы в Сибирь вышли 300 стрельцов с князем Семеном Болховским, пришедшим к атаману в ноябре 1584 года. Продождствия на стрельцов не запасали в городе начался голод, после которого у Ермака осталось около 150 казаков. Тогда же один из «приближенных-конкурентов» Кучума Карача-мурза выразил покорность Ермаку и попросил у него военную помощь против соседней орды кайсаков. Ермак послал к нему 40 казаков во главе с Иваном Кольцо – ночью спящие казаки были перерезаны людьми Карачи – хитрость удалась.

В середине марта 1585 года Искер был окружен конницей претендента на ханский престол мурзы Карачи. Казаки Ермака прорвали блокаду и 12 июня 1585 года отбросили татар, сам «Карача с тремя человеки за езеро убежал».

В начале августа «верные люди» донесли Ермаку, что воины Кучума задержали на Иртыше бухарский торговый караван. Ермак с пятьюдесятью воинами поплыл по Иртышу. В устье Вагая у урочища Атбаш на речном острове воины Ермака, не найдя никаких «бухарцев», легли спать. Вокруг бушевала страшная буря, и Ермак не выставил караулы. В ночь на 6 августа 1585 года атаман со своим отрядом погиб на Вагае – казаков так же, как и отряд Ивана Кольцо перерезали спящими [Прим. 31]. Остальные казаки, оставшиеся почти без есаулов, вернулись в Пермь. Но колонизация Сибири началась – уже осенью 1585 года в Сибири успешно действовал московский отряд воеводы Мансурова.

«Экспедиция, снаряженная Строгановыми, закончилась на первых порах полным разгромом Сибирского ханства. Частными средствами удержать произведенные завоевания было невозможно, и тотчас после занятия Кашлыка-Искера и казаки, и сами Строгановы торопятся обратиться в Москву за помощью и поддержкой.

Первоначально агрессивная политика Строгановых встречала мало сочувствия в правительственных кругах Москвы, где завоевание Сибири трактовалось первое время, как простое расширение пределов обширных строгановских вотчин.

Неожиданный успех экспедиции, завершившейся занятием столицы Сибирского ханства, и, вместе с тем, выяснившаяся полная невозможность удержать одними частными средствами завоеванные территории, заставили правительство предпринять более решительные шаги. Еще при жизни Ермака ему на подмогу был послан отряд в 300 человек под началом князя Семена Болховского и Ивана Глухова, который прибыл в Сибирь только в 1584 году. Экспедиция Болховского, снаряженная плохо и без знания местных условий, не выполнила своей задачи. Страдая от недостатка продовольствия, теснимые кучумовскими татарами, потеряв Ермака, попавшего в засаду, и самого князя Болховского, умершего от голода, русские были вынуждены весной следующего года бросить Искер и, под началом Глухова, перебрались на обратно на Русь Обью и Печерой.

Таким образом набег Ермака, расшатав Сибирское ханство и открыв путь русским в долину Иртыша, сам по себе не привел к прочным результатам. Предстояло приступить к планомерному покорению Сибири уже силами правительства и по плану, выработанному в столице. Вместо того, чтобы углубляться в неприятельскую страну, было решено закрепить за собою во-первых, пути в нее: в этих целях на развалинах некогда богатого и сильного татарского города Чинги-Туры был построен город Тюмень. Бывшая столица сибирских ханов пришла в запустение и на ее месте вырос центр русской колонизации – стольный город русской Сибири – Тобольск» (25,26).

«В 1574 году Строгановы официально испросили разрешение «беспенно» посылать воевать на сибирского салтана, «сбирая охочих и своих людей», чтоб сибирским людям «обида своя мстити» и попытаться утвердиться за Уралом постройкой крепостей на Тоболе и других реках. В 1579–1581 годах строгановские наемные люди и казаки «по заказу» вогуличей воевали. Приблизительно в это время имел место и знаменитый поход Ермака. Экспедиция состояла из «наемных казаков и собственных людей» Строгановых, которые снабдили ее «из своих пожитков» всем военным снаряжением, «всяким к воинскому делу запасом, одеянием ратным и воинским оружием» – ружьями, порохом, свинцом и походной артиллерией, средствами передвижения и продовольствием, дали ей проводников и «толмачей бусурманского языка». Получая от Строгановых «подмогу, запас на проем», казаки обязывались поделиться добычей: «аще Бог управит пут наш в добыче, заплатим и наградим по возвращении нашем».

Таким образом, первая попытка вторгнуться в Сибирь произведена была всецело «промыслом и подмогою честных мужей Строгановых» (24, 25).

Н.М. Карамзин писал: «Строгановы, сии усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важного приобретения для России – уступив оное Государству, не остались без возмездия: Иоанн, за их службу и радение, пожаловал Семену Строганову два местечка – Большую и Малую Соль на Волге, а Максиму и Никите – право торговать во всех своих городках беспопылинно».

22 октября 1586 года во время бунта сольвычегодских посадских был убит Семен Аникиевич Строганов. «В осеннюю ночь, 22 октября, восставшие посадские сняли «снаряд» – пищаль или пушку из острога на Троицкой стороне, достали из зелейной казны порох и ядра и угрожали артиллерийской пальбой разгромить строгановские хоромы на Никольской стороне: «хотели нас всех из с наряду побити насмерть». Неизвестно, привели ли в исполнение эту угрозу восставшие посадские. Если в ночных событиях 22 октября 1586 года оказался убитым Семен Аникиевич Строганов, то, очевидно, имела место вооруженная схватка восставших посадских со строгановскими дворовыми. Эта схватка закончилась убийством одного из

вотчинников. Известно имя главного вожака вооруженного посадского восстания, фрагмент царской грамоты называет его «Никитин сын с товарищи». Фрагмент, уцелевший от царской грамоты о сыске убийц Семена Аникиевича Строганова, гласит: «взяти, чтоб тех Семеновых убойцев Никитины сына с товарищи нихто у себя не таил, выдал, а кто станет таити, или укрывати убойцом, быти от нас в продаже. А сыскал бы, отослал к Соли к Вычегодской, а у Соли их отвести Ивану Сабурову, а от нас к Соли...» Со смертью Семена Аникиевича в 1586 году ушел из жизни строгановских вотчин последний из «старых Строгановых» и в управление вотчинами вступили полностью «молодые Строгановы». После смерти Семена Аникиевича остались его малолетние сыновья: Андрей Семенович, которому было в момент смерти отца 6 лет, и Петр Семенович, ему было 5 лет. Жеребей в вотчинах Семена Аникиевича, перешедший к ним, стал управляться вдовой, матерью малолетних наследников Евдокией Нестеровной Лачиновой, бывшей сестрой соликамского воеводы. Во главе других частей строгановских стояли Максим Яковлеыч – тридцати лет и Никита Григорьевич – двадцати пяти лет.

«Молодые Строгановы» поведут управление своими вотчинами в условиях социально-экономического кризиса второй половины XVI века и крестьянской войны на рубеже XVI–XVII веков и сумеют расширить и укрепить свои вотчины, несмотря на кризис, сохранить вотчинную торговлю и производство даже в тяжелые годы крестьянской войны и польско-шведской агрессии» (7) (Никита Григорьевич, 15.09.1559–24.11.1616; Максим Яковлевич, 21.01.1557–05.04.1624; Петр Семенович, 16.01.1583–24.03.1639; Андрей Семенович, 19.08.1581–17.07.1649. – А.А.).

Началось строительство русских городов в Сибири. В 1583 году был построен Верхне-Тагильский городок, в 1586 – Тюмень, в 1587 – Тобольск, в 1593 – Березов на Оби, в 1595 – Обдорск на Оби, в 1598 – Верхотурье, в 1600 – Турийск, в 1604 – Томск [Прим. 32]. Строгановы активно участвовали в присоединения Сибири к Московскому царству, давая людей, продовольствие – «запас» и вооружение царским войскам.

В конце XVI века дорога в Сибирь была описана в Книге Большого Чертежу.

«С объединением русских земель вокруг Москвы развернулась работа по сбору материалов и составлению «чертежей» отдельных областей (Иван IV Грозный в 1552 году «велел землю измерить и чертеж всему государству сделать»). И неизвестные землемеры засняли внутренние районы по Волге, Оке, Каме, земли к югу от низовьев Дона и в Прикаспии. За 30–40 лет накопился обширный картографический и описательный материал, и между 1595 и 1600 годами был составлен «Большой чертеж всему Московскому государству» (53) [Прим. 33].

«Путь в Сибирь от Москвы проходил через Ярославль, Тотьму, Устюг Великий, Кайгород, Соликамск, Чердынь, Уральские горы на Лозьвинск, построенный в 1590 году – с Вычегды на Верхнюю Каму, по реке Каме, ее притоку Вишере, по притоку Вишеры Велсую, притоку Велсуя Почмогу, через Урал на речку Тальтию, приток Ивделя, по реке Ивделю на Лозьву, Тавду и Тобол.

В 1595 году соликамский посадский человек Артемий Бабинов выработал новый маршрут через Соликамск в Верхотурье, минуя Чердынь. Таким образом новая дорога проходила южнее прежней и значительно сокращала ее (от Соликамска до Верхотурья 250 верст)» (76).

В первой половине XVII века в состав Русского государства вошла и Восточная Сибирь.

Часть III. Именитые люди, бароны и графы. XVII–XIX века

С конца XVI века Строгановы лично ездили в Москву при восхождении на престол нового царя за получением жалованных грамот. Эти поездки позволяли Строгановым укреплять старые и заводить новые связи с высшей российской политической элитой. Жалованные грамоты всегда подтверждались, а 7 апреля 1597 года Никита Григорьевич Строганов получил новое «государское пожалование» – добавочные земли в Перми Великой от прежней межи по Каме, вниз по реке на 55 верст, от реки Ласвы до реки Ошапа – в строгановских вотчинах возник Очерский округ с Очерским острожком. Строгановым также были оставлены зауральские земли, пожалованные по царской грамоте от 30 мая 1574 года – все земли, которые они успели колонизировать до похода Ермака – остальные сибирские земли стали считаться государственными.

«В 1579 году, то есть приблизительно через 20 лет после первого пожалования, во владениях Строгановых мы находим 1 городок и 39 деревень и починок с 203 дворами. После смуты (начала XVII века) в них числилось 4 слободы, 51 деревня и починок, 291 двор с 343 человек, еще через 10 лет – 3 городка, 3 острожка, 2 слободки, 2 монастыря, 118 деревень и починок с 12 церквями, 933 дворами, 30 мельницами и с населением в 1354 человека; в 1647 году 3 городка, 4 острожка, 4 слободки, 6 сел, 231 деревня и починок, в них 1544 двора с населением в 5701 человек. В 1623 году Строгановым принадлежали здесь 24 варницы, в 1647 – 31» (24,25).

В 1606 году Никитой Григорьевичем Строгановым была основана соляная слободка Новое Усолье, в которую был перенесен центр солеварения; позднее, в 1610 году, там же был основан Верхне-Чусовской городок.

Приход к власти в Москве Лжедмитрия I не нарушил в Сольвычегодске и Перми обычный ход внутренней жизни. В начале лета новому царю присягнули Боярская дума «и бояре большие, и жильцы, и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и гости московские» 25–26 июня было приведено к присяге сольвычегодское население. Присягнули и Строгановы, а позднее, как и все прочие вотчинники, получили и новые тарханные грамоты, подтверждающие все старые привилегии.

После победы над Лжедмитрием I, воцарения нового царя Василий Иванович Шуйского и начала крестьянской войны под началом Ивана Болотникова, все Строгановы – дети Семена Аникиевича Андрей и Петр со своими двоюродными братьями Максимом Яковлевичем и Никитой Григорьевичем – собираются в Сольвычегодске, ставшем центром управления всеми их землями. «Отсюда они выезжают в Москву по вызову правительства. Так, Никита Григорьевич Строганов, получив в 1608 году, мая 13, «проезжую» грамоту, отправился в Москву, по-видимому, для консультации по финансовым вопросам правительства. После вступления на престол Василия Шуйского Строгановы спешат подтвердить свою несудимую грамоту 1605 года декабря 1, полученную от Лжедмитрия. Правительство Шуйского, не меняя содержания несудимой и не дополняя ее новыми льготами, переписывает ее на имя Андрея и Петра Семёновичей Строгановых 1607 года марта 2. Следует думать, что такие же тексты несудимых грамот от царя получили в это же время Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы.

Время крестьянского восстания под руководством И.И. Болотникова Строгановы проводят спокойно в Сольвычегодске. Нормальный ход жизни вотчин ничем не нарушался, крестьянское и рабочее население осталось не задетым движением И.И. Болотникова.

Появление нового самозванца («тушинского вора») в 1607 году также не нарушает спокойствия Строгановых. От состояния спокойного наблюдения грозных, но пока далеких от Сольвычегодска событий и слушания молебнов за «государское счастье» Строгановы переходят к активному участию в политической жизни в 1608 году, в тот момент, когда начинается польская, а потом шведская интервенция.

Начиная с 1608 года и до избрания на престол новой династии – Романовых сольвычегодские Строгановы – Аникиевичи в союзе со старостами самоуправляющихся миров Поморья, местными воеводами под руководством правительства Шуйского ведут борьбу с «тушинцами» и начинают оказывать мощную финансовую поддержку правительству Шуйского. Строгановы от марта до июля 1608 года финансировали правительство Шуйского суммой от 5000 до 6000 рублей. В действительности сумма денежных средств, данных Строгановыми правительству, много больше, так как сохранившиеся документальные данные далеко не полны» (7). 19 июня 1608 года царь Василий Шуйский писал Максиму и Никите Строгановым: «И вы, Максим да Никита, дали нам на Москве в подмогу, служивым людям на жалованье, 1000 рублей, да и на Москве и по городом многие лутчие люди, гости и торговые люди в подмогу денег давали ж, и тех денег служивым людям не достало; которые наши четвертные кабацкие денги ныняшнего 116 году в зборе будут и те денги по сроком в собрание будут к Семену дню. И как к вам сия наша грамота придет, и вы б еще ныне дали в заем для поспешения пять сот рублей, а мы вам те денги велим отдать из Усолских четвертных доходов, как в сборе будут, а ваше раденье и ссуда служивым людям в забвенье не будет» (17).

Строгановы стали в ряд основных организаторов формируемых «мужицких» отрядов на помощь правительству Шуйского и для отражения набегов «тушинцев» и поляков на Поморье. Василий Шуйский писал Максиму и Никите Строгановым 26 января 1609 года: «И нам ведомо учинилось, что вы за православную веру и за святые Божии церкви стоите и нам во всем радете и прямите. И как к вам сия наша грамота придет, и вы б с Соли с посаду и с Усолского уезду велели собрати ратных людей с копы и с пищальми и с рогатинами и со всяким ратным боем, сколько будет пригоже, перед прежним вдвое и будет возможно иноб и втрое, и свестясь с тутошними с ратными людьми велели есте итти на Вологду, а на Вологде есте тем ратным людям велели быти в собрание; и с Вологды шли б в Даниловскую слободу, а дожидаться им велели иным городом ратных людей – с Костромы и с Галича и с Белоозера и с Двины. А запасу б имали с собою сухари и толокно и крупы до весны, а у дву человек под запасом было по лошади с санями; да были у всякого человека лыжи; и велели б у них быти для береженья у ста человек по человеку, выбрав из усолских лутчих людей, чтоб те ратные люди идучи дорогою не грабили» (17). 4 августа 1609 года Василий Шуйский писал Максиму, Никите, Андрею и Петру Строгановым: «И на том вам помози Бог, что о нашем и о земском деле радете, помня наше крестное целованье. И как к вам сия наша грамота придет, и впредь бы есте нам служили, и о нашем и о земском деле радели и промышляли, как Бог помощи подаст; а как даст Бог, в земле нашей гнев Божий поминуется, и мы вас за вашу службу и за радение пожалуем» (17).

По просьбе Василия Шуйского Строгановы помогли ополчению, формируемому князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, писавшим Максиму, Никите, Андрею и Петру 28 августа 1609 года: «И вы б, господие, сами и торговым и середним, и всяким людям говорили, чтоб для покою и крестьянские избавы и для того, чтоб Московское государство за наемными денгами и досталь не разорилось, дали на наем ратным людям денег и сукон, и камок, и тафт, сколько кому мочно. А как даст Бог, от воров и литовских людей Московское государство свободно будет, государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси велит те денги заплатить, а кто сколько денег и сукон и камок и тафт даст, и вы б то все писав в книге имянно, прислали те денги и сукна и камки и тафты ко мне в полки тотчас, наскоро» (17).

Были и другие царские грамоты – 23 марта и 27 мая 1610 года. 24 марта 1610 года царь Василий Шуйский писал Максиму и Никите Строгановым:

«Всемирного ради греха, а по заводу литовских людей, и воры русские люди совокупся с литовскими людми, в нашем Российском государстве многии города и волости смутили и какие злыя и нестерпимые беды поделали, и многим людем разоренье, и грабежи, и убийства, и плен, и расхищение учинили, и землю государства нашего пусту учинили же, а которые бояре и дворяне и всякие служивые люди, помня Бога, в осаде сидели и всякую нужду и голод претерпевали, и нам служили на боях и на сторожах безпрестани – и наше жалованье им давано денгами и золотом и платьем и рухлядью, и в том наша казна истощала. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б помятали к себе наше жалованье и свою к нам прежнюю службу и радение, нас ссудили, дали нам в заем денег, чем бы нам служивым людей пожаловать, чтоб Божиим милосердием и Пречистыя Богородицы заступлением и всех святых молитвами, а бояр наших и дворян и служивых людей к нам прямою службою и вашим вспоможением, литовских людей и русских воров одолети, какие милости от Бога сподоблены будете, а от нас – великое жалованье и честь примете и от всех людей похвалу получите. Попомните, в прежних временах великого князя Василия Васильевича окупили из полону. Какой великой чести сподоблены! А вы только нас ссудите немалыми денгами тысяч с десять» (17).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.